

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

СТАНОВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА КНИГИ СТИХОВ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVII—XIX ВВ.

У.Ю. Верина

Белорусский государственный университет
ул. К. Маркса, 31, Минск, Республика Беларусь, 220030

В статье рассматривается возникновение, формирование и развитие книги стихов как особой сверхтекстовой, метажанровой формы, опирающейся на определенный объединяющий принцип. Изменение этих принципов составляет историю становления книги стихов. В эпоху барокко С. Полоцкий составил «Вертоград многоцветный» в соответствии с представлениями о мироустройстве. В поэзии эпохи классицизма преобладал жанровый принцип композиции, позже сменившийся хронологическим. Заглавия стихотворных книг XVIII — начала XIX вв. отразили рост индивидуального, частного в поэзии, что давало большую свободу авторам, в том числе и в структурировании своих книг. В XIX веке разные принципы объединения стихотворений свободно сочетались в пределах одной книги, строго не соблюдаясь. Первой собственно книгой стихов в русской поэзии являются «Сумерки» Е.А. Баратынского 1842 г. Со второй половины XIX в. все большее распространение получает циклизация, и к рубежу веков книга стихов занимает ведущие позиции в жанровой системе русской поэзии.

Ключевые слова: книга стихов, сверхтекст, метажанр, жанровый, тематический, хронологический принципы композиции, циклизация, русская поэзия

Книга стихов как концептуальное и архитектурное единство — исторически наиболее поздний вид издания поэтических произведений. Сборник стихотворений — основной и самый ранний, начиная с XVII в. Некоторые ранние издания поэзии представляли собой особым образом упорядоченные сборники: тексты объединялись в соответствии с определенными принципами и, собранные вместе, призваны были отразить многообразие универсума. «Мир есть книга» — так назвал одно из своих стихотворений С. Полоцкий, и его «Вертоград многоцветный», создававшийся с 1676 г. и до смерти автора в 1680 г., с «изобильным множеством жанров, уподоблен миру, и его порядок отвечает порядку настоящего, созданного Богом мира» [1. С. 521].

Стремление к разнообразию автора «Вертограда многоцветного» привело к появлению определений книги С. Полоцкого как «флорилегии» (И. Татарский), «поэтической кунсткамеры» (И.П. Еремин), «смешанного феномена» (В. Uhlenbruch) [2. С. XVII]. Наибольшее распространение получила версия ком-

позиционного замысла книги «первого поэта Московского царства» как «рода энциклопедии»: «Благодаря этому читатель, пользующийся этой книгой как словарем, мог найти, к примеру, на букву “м” поэтические размышления о монахах, а на букву “в” — размышления о вдовах. Такая старинная система пользовалась особой популярностью среди польского дворянства XVII в.» [3. С. 279].

Однако алфавитный принцип не был изначальным в работе С. Полоцкого: «...К писанию “Вертограда” поэт приступил как к созданию новой книги, которую с самого начала воспринимал как целое, расширяя впоследствии основной корпус старыми, ранее написанными стихами... Самое важное состоит в том, что в автографе более явственно проступает суть поэтической логики и системы произведения. “Вертоград” по автографу не тождествен “Вертограду” окончательного вида. Изучение авторской рукописи позволяет понять художественный мир книги как внутреннее духовное единство. Здесь открывается особая многомерность поэзии “Вертограда” благодаря тому, что гораздо более очевидна соотнесенность каждого отдельного стихотворения с *целым*, а часто и между собой. В автографе стихи читаются иначе, чем в алфавитной композиции окончательного текста, где на первый план выдвигается самостоятельность, суверенность, а вместе с тем и самоценность каждого отдельного воспринимаемого стихотворения. Из авторской рукописи отчетливо видно, что Симеон писал не сборник стихов, а единую книгу. Читая здесь стихи по порядку, мы убеждаемся в существовании созданного поэтом, а затем им же перестроенного на новых основаниях художественного контекста... В автографе можно обнаружить крупные идейно-тематические и структурные единства, в пределах каждого из которых взаимодействуют несколько стихотворений — от двух-трех до десятка и более... Внутреннее течение между стихами иногда настолько сильное, что можно указать строку в предыдущем стихотворении, которая послужила поводом, стимулом для последующего» [2. С. XXIV–XXVI].

Алфавитный порядок, с помощью которого в конечном итоге было организовано «многоцветье» поэтического сада С. Полоцкого, является одним из древних способов упорядочения мира, однако «Вертоград многоцветный», в свою очередь, станет определенным образцом — положит начало традиции и может быть рассмотрен как наиболее ранний пример поэтической книги, структурированной по алфавитному принципу.

Жанровый принцип композиции утвердился в эпоху классицизма и лежал в основе сборников «Элегии» и «Сатиры» А.П. Сумарокова (обе — 1774), «Анакреонтические песни» Г.Р. Державина (1804). С XIX века происходило постепенное осознание книги как целостности. Идея «мастерства» (достижения в определенном жанре, умения поэта написать произведение того или иного жанра) сменяется идеей развития автора (хронологический принцип) и выражения его личности (свободный принцип). Тематический принцип подразумевает расположение стихов в сборнике от общезначимых тем (например, патриотическая поэзия) к частным, интимным (любовная лирика). Г.А. Гуковский охарактеризовал композицию «Сочинений Г.Р. Державина» (СПб., 1808—1816, ч. 1—5) схемой: «Богу — царю — людям — себе», которая, однако не является абсолютной, т.е. «Державин не чужд стремления представить развитие своей поэзии во времени: в первой

части помещены произведения, связанные с екатерининским, а во второй — александровским царствованием...» (см. [4. С. 48]).

Жанровый принцип уступал свои позиции с конца XVIII в., что сказалось и на характере заглавий поэтических книг, они «уже не жанровые в собственном смысле слова, однако крайне условные; при этом они чаще всего снабжены подзаголовками» [5. С. 578]: «Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя» (1788) И.Ф. Богдановича, «Досуги, или Собрание сочинений и переводов Михайлы Попова» (1722), «Мое праздное время, или Собрание некоторых мелких сочинений и переводов в стихах князя Григория Хованского» (1793), «Плоды праздного времени, или Разные мелкие стихотворения Николая Яновского» (1788), «Пустынная лира забвенного сына природы» (1807) И.И. Варакина, включавшая и стихи, и прозу; и др. Слово «Лира» в этих заглавиях — условное, но связанное с поэзией вообще, с искусством, т.е. еще не в полной степени «самостоятельное» заглавие (позже, присоединив к нему свое имя, слово использует Г.Р. Державин: «Лира Державина, или Избранные его стихотворения», 1817). Такие заглавия, как «Досуги», «Мое праздное время», «Плоды праздного времени» в большей степени ориентируют на то, что в сочинениях их авторов нет претензии на высокое поэтическое искусство.

Стремление к выражению личности (свободный принцип), свидетельствующее «об усилении индивидуально-авторского начала», объясняет появление в конце XVIII — начале XIX в. стихотворных книг «с откровенно личностными метафорическими заглавиями» [6. С. 27]: «Мои безделки» (1794) Н.М. Карамзина, «И мои безделки» (1795) И.И. Дмитриева, «Бытие сердца моего, или Стихотворения кн. Ивана Михайловича Долгорукого» (1802), «Мое кое-что, или Собрание мелких сочинений и переводов в стихах и прозе» (1803) П.А. Пельского, «Плоды моего досуга» (1805) Н.П. Брусилова, «Плоды моей музыки» (1806) А.Ю. Розанова, «Печальные, веселые и унылые тоны моего сердца» (1809) Ф.М. Рындовского и др. О.В. Зырянов останавливает свое внимание на книге «И я автор, или Разные мелкие стихотворения Ивана Бахтина» (1816), поскольку, «как явствует из самого заглавия сборника, в центре его помещается указание на «я» автора, что вполне согласуется с характерной тенденцией поэтической номинации того времени» [6. С. 27]. Ю.Б. Орлицкий выделяет в этом ряду «Мои безделки» Н.М. Карамзина. Оба исследователя отсылают за более детальным обзором к фундаментальному труду Г.А. Гуковского [7. С. 325, 328]. Ю.М. Лотман в отношении названия «Мои безделки» пояснял, что тем самым «Карамзин демонстративно отказывался от значительной тематики. Вопреки утвердившемуся взгляду на литературу как на долг и служение, Карамзин называл свои стихотворения «безделками», вызывая тем самым насмешки и нарекания не только эстетического, но и политического характера» [8. С. 28].

Сочетание тематического, жанрового и хронологического принципов характеризует наиболее значительные сборники эпохи. Таким является единственное прижизненное издание К.Н. Батюшкова «Опыты в стихах и прозе» (СПб., 1817): «Это издание выдерживает уже типичные для книжных образований (заметим — для позднейших книжных образований. — У.В.) структурно-семантические параметры: использование специально разработанной аллегорической обложки

(рисунок И.А. Иванова по наброскам А.Н. Оленина); эпиграф на латинском языке из «Скорбных элегий» Овидия; предисловие от Издателя (Н. Гнедича); предпосланное всему сборнику общее стихотворение-посвящение «К друзьям»; выделение трех структурно-жанровых разделов («Элегии», «Послания» и «Смесь») при ощутимой тенденции к сознательному смешению жанров; распределение стихотворений внутри разделов с учетом «рамочного текста»; особая семантическая выделенность заключительного стихотворения «Беседка муз», архитектонически смыкающегося со стихотворением-посвящением» [6. С. 31].

Слово «Опыты» в заглавии использовалось и ранее (М.Н. Муравьев «Новые лирические опыты», 1776; С.С. Бобров «Рассвет полночи, или Созерцание славы, торжества и мудрости порфиринозных, браненосных и мирных героев России с последованием дидактических, эротических и других разного рода опытов», 1804; А.Х. Востоков «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах», 1805) и позднее: «Опыты аллегорий, или Иносказательное писание в стихах и в прозе» и «Опыты священной поэзии» Ф.Н. Глинки, 1826. Традицию создали, по всей видимости, «Опыты» («Les Essais») М. Монтеня (1580), представлявшие собой в жанровом отношении свободно переходящее от темы к теме размышление.

Описывая структуру книги К.Н. Батюшкова, О.В. Зырянов уделил внимание второй, стихотворной части. Однако и первая — прозаическая — часть является неотъемлемой составляющей книги. Более того, В.А. Кошелев подчеркнул «соответствия прозы и поэзии Батюшкова», т.е. близость проблематики или, как пишет исследователь «серии вопросов», которыми К.Н. Батюшков задается и в прозе, и в поэзии: «К чему прибегает ум, требующий опоры?.. По какой системе расположить свои поступки, связанные столь тесно с ходом идей политических, превратных и шатких? И что успокоит его?..» И тут же — поэтический аналог этих вечных вопросов, неразрешимых для Батюшкова: «Скажи, мудрец млады и, что прочно на земли? / Где постоянно жизни счастье?..» Или: «Где мудрость светлая сияющих умов? / Где твой фалерн и розы наши?..» Проза «подхватывает» эти же вопросы: «И к чему все опыты мудрости человеческой? К чему советы и наблюдения зоркого разума? Достаточны ли они для человечества вообще и для человека частно во время его странствования по бурному морю жизни?..» [9. С. 23]. В.А. Кошелев заключает, что «поэтический» К.Н. Батюшков «не является самодостаточным» [9. С. 23]. Заглавие «Опыты в стихах и прозе» в полной мере отразило и авторскую установку на жанровую свободу («опыты» — «essais»), и действительное единство стихов и прозы в достижении одной художественной задачи — выражении «философии скорбного неверия поэта в возможность нравственного единения людей» [9. С. 23]. Эта «маленькая философия» стала основой цельности книги.

Чрезвычайный интерес представляют решения прижизненных изданий сборников поэзии А.С. Пушкина 1826, 1829 гг. и замысла 1836 г. Несмотря на значительную изученность, эта проблема не имеет однозначной трактовки в научных трудах в силу своей многоаспектности. Суммировав наблюдения ряда пушкиноведов, можно сказать, что эволюция эдиционных взглядов поэта шла в направлении свободного расположения стихотворений и — что особенно важно — в

направлении циклизации. В сборнике «Стихотворения Александра Пушкина» 1826 г. преобладает жанровый принцип (стихотворения распределены по разделам «Элегии», «Разные стихотворения», «Эпиграммы и надписи», «Подражания древним», «Послания», «Подражания Корану»), однако стихотворения датированы (по настоянию П.А. Плетнева: «Это будет удовлетворительнее для читателя и красивее для оглавления»), размещены не последовательно по хронологии, но «так пробивало себе дорогу “влияние века”», которое позднее «заставило Пушкина отказаться от жанрового принципа композиции поэтического сборника и перейти к принципу хронологическому. Эволюция творчества представлялась теперь важнее его жанровой структуры» [4. С. 51—52]. В издании 1829 г. ни один из принципов не является главенствующим и последовательным, поскольку отмеченное Б.В. Томашевским «случайное распределение» позволило заметить «эстетические мотивы объединения стихов» [10. С. 11—12]. В проекте 1836 г. отмечается движение к циклизации, ставшей ведущим, определяющим принципом строения русского стихотворного сборника к 1840-м гг. и основой становления собственно книги стихов.

Первой «в полном смысле этого слова» книгой стихов являются «Сумерки» Е.А. Баратынского (1842). Ее особый статус в развитии форм циклизации и становлении феномена книги стихов в русской поэзии не раз отмечался учеными и зафиксирован в словаре, где отмечается, что «Сумерки» «ознаменовали символический переход от пушкинской поэтической эпохи к послепушкинской» [11. С. 97], и определено, что книга стихов — «одна из главных форм художественной циклизации стихотворных произведений; “сверхцикл”, позволяющий в пределе объединять в своем составе не только лирику, но и поэмы, и произведения других жанров... Книга стихов — художественная целостность, своеобразный способ выражения авторского сознания и, одновременно, читательского восприятия» [11. С. 96].

Во второй половине XIX в. циклизация как принцип объединения поэтического материала в книги преобладает. Так построены вершинные сборники русских поэтов Н.А. Некрасова, А.А. Фета (оба — 1856). Итоговые книги А.А. Фета «Вечерние огни» (1883, 1885, 1888 и 1891) представляют собой сложные архитектурные единства. Представление о стихотворном сборнике как результате коллективных усилий автора, редактора, издателя складывалось уже в отношении поздних замыслов А.С. Пушкина. При изучении изданий А.А. Фета приходится восстанавливать и осмысливать не только композиционный замысел книги в целом, но и принимать во внимание значительную «тургеневскую правку», а затем — вклад редакторов и помощников поэта Н.Н. Страхова и В.С. Соловьева. (По всей видимости, В.С. Соловьев сыграл значительную роль в формировании первого выпуска «Вечерних огней», и в дарственной надписи поэт называл его «зодчим этой книги».)

На рубеже XIX—XX вв. с развитием внимания к единично-авторскому, уникальному, неповторимому в рамках масштабных новаторских художественных и теоретических поисков Серебряного века книга стихов преобладает в жанровой системе русской поэзии, приобретая авторские модификации, формируя типо-

логические черты. Этот период наиболее исследован литературоведами на материале книг и теоретических взглядов И. Анненского, В. Брюсова, А. Блока, А. Белого, К. Бальмонта, О. Мандельштама, М. Цветаевой, А. Ахматовой и др. В тот же период отчетливо выделились в особую разновидность, отличную от альманахов и антологий XIX в., совместные (парные или коллективные) стихотворные книги, поскольку вместе с ценностью индивидуально-авторской эстетической позиции, была небезразлична принадлежность поэта к направлению, течению, какой-либо творческой общности.

Интересный пример книги коллективного авторства рассматривает Н.А. Богомолов: это «Книга раздумий» (1900) В. Брюсова, К. Бальмонта, И. Коневского, М. Дурнова, в которой «были представлены философские течения современной и остро современной поэзии» [12. С. 208]. Циклы (подборки) авторов, неравнозначные по объему и художественному уровню (В. Брюсов включил 18 стихотворений, М. Дурнов — 5 и затем «никогда более не выступал на литературном поприще» [12. С. 211]) формально были объединены взаимными посвящениями и эпиграфами, отсылающими друг к другу твердыми строфическими формами (рондо, сонет) и др. В целом же «Книгу раздумий» исследователь рассматривает как этапную в существовании русского символизма: она подвела итог первому «экспансионистскому» этапу («прорывов в тайну» и «дерзновений»), в книге заметно сближение поэзии и философии, есть и «прямые отсылки к текстам предшественников из начала XIX века» [12. С. 210], что было не характерно для начального периода, сосредоточенного исключительно на новаторстве. Эта книга не стала «символическим обозначением нового этапа в развитии “нового искусства”», поскольку для В. Брюсова и К. Бальмонта в дальнейшем важнее была собственная творческая индивидуальность (в 1900 г. оба поэта издали по книге стихов: «Tertia Vigilia» В. Брюсов и «Горящие здания» К. Бальмонт), И. Коневской погиб в 1901 г., а М. Дурнов, как уже говорилось, больше не публиковался. «Книга раздумий» в истории русского символизма стала, таким образом, обособленным прецедентом, тогда как в истории становления феномена книги стихов она занимает свое в некотором роде законное место, поскольку демонстрирует обращение поэтов рубежа веков к коллективным формам книготорчества — новым в сравнении с формами XIX в. и предвосхищающим появление значительного числа книг такого функционального типа в начале XX в.

История становления феномена книги стихов в русской поэзии XVII—XIX вв. свидетельствует, что обособление в самостоятельный «большой» жанр к рубежу XIX—XX вв. происходило последовательно и закономерно, в соответствии с тенденциями, определявшими динамику жанровых процессов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 896 с. (Studia philologica).
- [2] Сазонова Л.И. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого: история создания, поэтика, жанр // *Vertograd mnogocvetnyj* / ed. by Anthony Hippius and Lydia I. Sazonova; with a forew. by Dmitrij S. Liha ev. Vol.1: «Aaron» — «Detem blagoslovenie». LX, 356 с.

- [3] *Пиккио Р.* Древнерусская литература; пер. с итал. М.: Языки славянской культуры. 2002. 352 с.
- [4] *Сидяков Л.С.* «Стихотворения Александра Пушкина» и русский стихотворный сборник первой трети XIX в. // Проблемы современного пушкиноведения: сб. статей. Псков: ПГПИ им. С.М. Кирова, 1994. С. 44–58.
- [5] *Орлицкий Ю.Б.* Стих и проза в русской литературе. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2002. 685 с.
- [6] *Зырянов О.В.* К вопросу о генезисе и типологии лирического книготворчества в русской поэзии конца XVIII — первой половины XIX в. // Авторское книготворчество в поэзии: комплексный подход: материалы Второй Междунар. науч. конф. (Омск, 12–14 мая 2010 г.) / отв. ред. О.В. Мирошникова. Омск: Сфера, 2010. С. 25–34.
- [7] *Луковский Г.А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М.: Языки русской культуры, 2001. 352 с.
- [8] *Лотман Ю.М.* Поэзия Карамзина // Н.М. Карамзин. Полное собрание стихотворений / вступ. статья, подгот. текста и примеч. Ю.М. Лотмана. Л.: Сов. Писатель, 1966. С. 5–54.
- [9] *Кошелев В.А.* «Приятный стихотворец и добрый человек...» // К.Н. Батюшков. Сочинения: в 2 т.; сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.А. Кошелева. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 5–28.
- [10] *Томашевский Б.В.* Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л.: Образование, 1925. 136 с.
- [11] *Дарвин М.Н.* Книга стихов // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. С. 96–97.
- [12] *Богомолов Н.А.* Вокруг «серебряного века»: статьи и материалы. М.: Новое лит. Обозрение, 2010. 720 с.

FORMATION OF THE BOOK OF POEMS PHENOMENON IN RUSSIAN POETRY OF THE XVII—XIX-TH CENTURIES

U.Ju. Verina

Belarusian State University
K. Marks str., 31, Minsk, Republic of Belarus, 220030

The article discusses the origin, formation and development of a book of poems as a special over-text, metagenre form resting on a unifying principle. Changing of these principles is the story of the book of poems formation. In the Baroque ages, Simeon Polotsky composed «Orchard Color» in accordance with the concepts of the world order. In the poetry of the Classicism period the principle of genre compositions was dominated, later it replaced by chronological principle. The titles of poetry books of XVIII — early XIXth centuries reflected the growth of the individual, private in the poetry, that giving more freedom to the authors, including the structuring their books. In the XIXth century, different principles of poems association freely combined within the same book and not strictly observed. The first proper book of poems in Russian poetry is «Twilight» by E.A. Baratynsky (1842). In the second half of the XIXth century cyclization became widespread, and to the turn of the centuries book of poems is a leader in the genre system of Russian poetry.

Key words: book of poems, over-text, metagenre, genre, thematic, chronological principles of composition, cyclization, Russian poetry

REFERENCES

- [1] Sazonova L.I. *Literaturnaja kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremja* [Russian Literary Culture. Early New Time]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2006. 896 p.
- [2] Sazonova L.I. «Vertograd mnogocvetnyj» Simeona Polockogo: istorija sozdanija, poetika, zhanr [«Orchard Color» by Simeon Polotsky: history of creation, poetics, genre] // Vertograd mnogocvetnyj / ed. by Anthony Hippisley a. Lydia I. Sazonova; with a forew. by Dmitrij S. Lihačev. Vol.1: «Aaron» — «Detem blagoslovenie». LX, 356 p.
- [3] Pikkio R. *Drevnerusskaja literatura* [Ancient Russian Literature]; per. s ital. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2002, 352 p.
- [4] Sidjakov L.S. «Stihotvorenija Aleksandra Pushkina» i russkij stihotvornyj sbornik pervoj treti XIX v. [“Poems of Alexander Pushkin” and Russian poetry collection of the first third of the XIXth century]. *Problems of modern Pushkin studies*: collection of articles; ed. by E.A. Majmin, E.V. Slinina (executive editor), V.A. Sapogov [etc.]. Pskov: PSPI named S.M. Kirov, 1994. P. 44–58.
- [5] Orlickij Ju.B. *Stih i proza v russkoj literature* [Verse and Prose in Russian literature]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2002, 685 p.
- [6] Zyrjanov O.V. K voprosu o genezise i tipologii liricheskogo knigotvorčestva v russkoj poezii konca XVIII — pervoj poloviny XIX v. [On the question of the genesis and typology of lyrical book creation in Russian poetry of the end of XVIII — the first half of the XIXth century]. *Avtorskoje knigotvorčestvo v poezii: kompleksnyj podhod: materialy Vtoroj Mezhdunar. nauch. konf. (Omsk, 12–14 maja 2010 g.)* [Author’s book creation: a complex approach: Proc. of the Second International scientific conf.] / Executive editor O.V. Miroshnikova. Omsk: «Publishing and typographical center “Sphere”» Ltd., 2010. P. 25–34.
- [7] Gukovskij G.A. *Rannie raboty po istorii russkoj poezii XVIII veka*. [Early works on the history of Russian poetry of XVIIIth century]. Moscow: Languages of Russian Cultures, 2001, 352 p. (Studia philologica. Sériés minor).
- [8] Lotman Ju.M. Poezija Karamzina [Karamzin’s Poetry]. *N.M. Karamzin. Polnoe sobranie stihotvorenij* [Complete Collected Poems] / vstup. stat’ja, podgot. teksta i primech. Ju.M. Lotmana [introductory article, preparation of text and notes by Ju.M. Lotman]. Leningrad: Soviet writer, 1966. P. 5–54. (Biblioteka poeta; Bol’shaja serija) [Poet’s Library; Major series].
- [9] Koshelev V.A. «Priyatnyj stihotvorec i dobryj chelovek...» [«Pleasant versemaker and a good man...»]. *K.N. Bajushkov. Sochinenija* [Works]: in 2 vol.; sost., podgot. teksta, vstup. st. i komment. V.A. Kosheleva [compiling, preparation of text, introductory article and comments by V.A. Koshelev]. Moscow: Artistic literature, 1989. Vol. 1. P. 5–28.
- [10] Tomashevskij B.V. *Pushkin: Sovremennye problemy istoriko-literaturnogo izuchenija* [Pushkin: Modern problems of literary-historical study]. Leningrad: Education, 1925, 136 p.
- [11] Darvin M.N. Kniga stihov. *Poetika: slovar’ aktual’nyh terminov i ponjatij* [Poetics: dictionary of actual terms and concepts] / gl. nauch. red. N.D. Tamarchenko [Chief Science Ed. N.D. Tamarchenko]. Moscow: Kulagina publishing house; Intrada, 2008. P. 96–97.
- [12] Bogomolov N.A. *Vokrug «serebrjanogo veka»: stat’i i materialy* [Around the “Silver Age”: articles and materials]. Moscow: New Literary Observer, 2010, 720 p.